

Сов. культура, 1980, 26 авг.

ГРЯДУЩЕГО ВОЛНУЕМОЕ МОРЕ

29 АВГУСТА НАЧИНАЮТСЯ ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 150-ЛЕТИЮ БОЛДИНСКОЙ ОСЕНИ ПОЭТА

останавливался, он везде оставлял свои меты, свои зарубки для идущих следом за ним.

Москва и Петербург, Кавказ и Крым, Молдавия и Псковщина, калмыцкие степи и наследное Болдино — это и есть те живые узлы, которые связывают наши пытливые души с пламенем пушкинской творческой души, ради нас горевшей.

Пушкинское пророчество собственной судьбы давно переклестнуло границы одной его личности и стало пророчеством судьбы народов и времени, потому что личная пушкинская судьба всеми гранями своей блистательной индивидуальности в конечном счете, по убеждению его, была подчинена судьбе народа.

Слух обо мне пройдет
по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий
в ней язык,
И гордый внук славян, и финн
и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

«Грядущего волнуемое море», оставаясь в границах личной пушкинской судьбы, стало морем каждого из нас, и отзвуки пушкинских духовных бурь и штормов, проецируясь на наши судьбы, смешались с

ураганными ветрами нашего времени.

Но не хочу, о други,
умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить
и страдать,
И ведаю, мне будут
наслажденья
Меж горестей, забот
и тревоженья:
Порой опять гармонией
упьюсь,
Над вымыслом слезами
обольюсь,
И может быть — на мой
закат печальный
Блеснет любовь улыбкою
прощальной.

Это он написал сразу, в первый же свой приезд в Болдино, еще не успев отряхнуть дорожную пыль со своих дорожных впечатлений.

Он приехал в Болдино, на эту благословенную для него землю, человеком зрелым во всех отношениях, знающим цену жизни. Он приехал сюда для осмысления жизни, ее ненависти и любви, ее восторга и нищенского унижения. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» — несмотря ни на что, вопреки всему, наперекор даже тому, что «нет правды на земле, но нет ее и выше».

Все три приезда в Болдино

были для Александра Сергеевича Пушкина и, естественно, для нас чудом взлета его гения. Сто шестьдесят пять дней, которые он здесь прожил под этим небом, превратились его волей в сто шестьдесят пять ступеней той поразительной лестницы, которая ведет к вершине совершенства человеческого гения.

Это был вдохновенный труд:

И мысли в голове волнуются
в отваге,
И рифмы легкие навстречу
им бегут,
И пальцы просятся к перу,
перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно
потекут.

Так дремлет недвижким
корабль в недвижной влаге,
Но чу — матросы вдруг
кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса
надулись, ветра полны,
Громада двинулась и
рассекает волны.
Плывет. Куда ж нам плыть!..

Но он был опытным капитаном этого удивительного корабля, и он знал, куда плыть и как прокладывать сквозь времена и пустыни путь к человеческой душе, как просвещать эту душу пронзительностью поэзии.

Сто шестьдесят пять дней в Болдино Александр Сергеевич Пушкин волей и усердием своего гения превратил в чудо, не имеющее равного себе среди блистательных страниц в истории поэзии мира. Всему золоту болдинских дней, собранному вместе, нет и не может быть цены. Это чудо так и останется чудом на все времена. Это было только одному Пушкину по плечу. Он даже чуму превратил в «Пир во время чумы!» И высшее, что есть в искусстве, — трагедию он подчинил своему гению.

Нет, весь я не умру —
душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья
убежит —
И славен буду я, доколь
в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Сто пятьдесят лет или двести минет с той поры, как сюда, в Болдино, приехал Александр Сергеевич Пушкин — прекрасное не подвластно времени и запустению, и праздник пушкинской болдинской осени навсегда останется праздником бессмертного русского языка, праздником нашего национального гения, завещавшего нам, живым, во все времена помнить, что «гений и злодейство две вещи несовместные».

Он здесь по-особому глубоко вслушивался в грядущее волнуемое море. Он жил этим грядущим и отдавался ему.

Болдино — пора зрелости пушкинского гения, его вершинная пора, и август — пора зрелости самой природы, этих бесконечных золотых полей, увалами, как волнами, уходящих к черте горизонта, замыкающего голубое обрамление дня, — сливаются в нашем представлении воедино.

Душа поэта и душа его родины слились. И сам поэт своими словами соединяет себя с этим миром зрелости.

Миг вождельный настал:
окончен мой труд
многолетний.

Что ж непонятная грусть
тайно тревожит меня!
Или, свой подвиг свершив,
я стою, как поденщик
ненужный,

Плату приявший свою,
чуждый работе другой;
Или жаль мне труда,
молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой,
друга пенатов святых!

Просвечивающая на голубом небе рыжей хвоей лиственница, посаженная сто пятьдесят лет тому назад самим Александром Сергеевичем, осыпает по ночам отслужившие иглы на бронзовое плечо поэта, присевшего на скамейку, задумавшегося о чем-то и уже навсегда позабывшего вернуться к себе в комнаты.

Михаил ДУДИН.
ЛЕНИНГРАД.

Такой уж он, Александр Сергеевич Пушкин, оставил след в самом живом трепете русского языка, в самой духовной жизни нашего народа, что все связанное с ним, с нашим Александром Сергеевичем Пушкиным, существующее в этом мире нам необычайно дорого, и не только как память, но и как некий ключ к нашему собственному совершенству. И мы ищем в его следах, оставленных на нашей земле, в его прозрениях своего современника, опору в наших сомнениях на дороге к застрашному дню.

Он, как никто из наших великих писателей, умел держать связь времен и, прозревая будущее, верить в него, верить в нас, наследующих Прометеев огонь его творческой души. И где бы он ни проходил по нашей земле, где бы он ни